

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

"NOVOYE RUSSKOYE SLOVO" 178-2nd Ave. New York

ПОЛНЫЕ
Англо-Русский и Русско-Английский
СЛОВАРИ
АЛЕКСАНДРОВА

В новом исправленном и дополненном издании. В обоих словарях свыше 1650 страниц большого формата.

Помимо основного словаря, каждый том содержит также словарь наиболее употребительных собственных мужских и женских имен, географический словарь, сравнение русских мер, весов и термометра с английскими. В доме каждого русского в Америке должны быть эти оба, самые полные Англо-Русский и Русско-Английский словари, — без которых трудно обойтись.

Оба словаря \$8.00, в отдельности \$4.25

Пошлите ваш заказ сегодня! —

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO

178 Second Avenue New York City

„Дядя Ваня” на американской сцене

“Uncle Vanya” at the Cort Theatre

Чехов на американской сцене не новинка. Но новым в постановке «Дяди Вани» является то, что театр «Корт» не погнался за передачей чисто русского колорита пьесы Чехова. Кроме самовара в первом акте, ничего специфически русского в постановке нет. Актеры играют Чехова вообще. Однако в пьесе выявлено то основное, что сделало автора единокровным властителем сцены в России в течение четверти века. Выявлено чеховское гомогенное, неудовлетворенность, тоска по иной, лучшей жизни. И надо полагать, что режиссер справедливо рассудил, что суть пьесы не только в том, что герои ее русские, а в том, что передает пьеса чувства общечеловеческие.

Если нам принадлежит счастливое право обладания национальным талантом, то из этого еще не следует, что этот талант не может быть близок другим нациям.

И мы видели странную неожиданную метаморфозу, американских «Дядю Ваню», Астрова, Соню и Елену. Не все они были достаточно хороши и иногда под нашим русским углом зрения казались менее значительными, но в своем роде и они были не плохи, а главное, их объединения дух автора, и на сцене жил чеховский надрыз, чеховский юмор и сгущенность духовной красоты, которую может восчувствовать каждый человек, будь он русский или американец, все равно.

И публика была такая-же, как на русских спектаклях в старое время, чуткая, отзывчивая и душевно углубленная. Она пришла на огонек, жадная к иному миру и иной красоте, лучшей, чем красота действительности, даже американской. И прониклась целиком настроениями пьесы, может быть даже потому, что видела своего Дядю Ваню, более ей понятного, чем тот, который управлял имением в центре России.

И над этим спектаклем, прекрасно скроенным и крепко сшитым, царит дух автора, его любовь к простым чувствам, к сдержанности движений, к отсутствию суеты и главное, к простоте, тона. За малым исключением, никто не играл «по актерски», и если бы не язык, то трудно было бы отрешиться от чувства бесконечной близости к сцене театра России. Да и что еще роднит больше, нежели искусство, верно понятое и отраженное?

И первой и самой яркой

звездой в этом театральном небе засиял талант Лилиан Гиш, той, которую мы видели и раньше, а теперь впервые услышали. Лилиан Гиш играет Елену Серебрякову в тонах всечеловеческой жертвенности, примеры коей мы знаем единственно в русской литературе и русской сцене. Лилиан Гиш — родная сестра покойной Веры Федоровны Комиссаржевской и ее продолжательницы на русской сцене Елены Полевицкой.

Непонятными узми родства связана душа этой американской актрисы с ее русскими сестрами по искусству. То же вечно жественное, бес-

бости жизни свою надломленную бурей волю, та же покорность року и непонятная в слабом теле духовная мощь и благородство.

Сколько прекрасных образов таких женщин знает русская литература. От Пушкина, Толстого и Достоевского, через бытовое творчество Островского, длинной чередой тянется сверкающая цепь русских образов, сплошь потрясенных и сохранивших величие души, под ударами тяжелой действительности. И разве не родная сестра пушкинской Татьяны чеховская Елена, тоже имеющая старого мужа, и тоже отказываю-

(Окончание на 4-й стр.)

«ДЯДЯ ВАНЯ» НА АМЕРИКАНСКОЙ СЦЕНЕ

(Начало на 2-й стр.)

щаяся от всех радостей жизни во имя долга перед ним.

Излюбленный образ русской женщины—жертвы в театральной литературе вознесен Островским и в «Грозе» и в «Бесприданнице» и в «Последней жертве» и во многих других пьесах. И все эти образы укладываются в дарование американской актрисы, открывшей новую эру на американской сцене исполнением Елены в чеховской пьесе. И хотелось бы, чтобы она поставила хотя одну из перечисленных пьес для себя, и открыла бы этим новый путь для иностранной сцены, не доценившей до сей поры таланта Островского, и только ныне могущего быть понятым с помощью новой великой звезды американской сцены Лилиан Гиш.

В Лилиан Гиш есть все, чем может природа одарить женщину. Необычайной трогательности внешность, проникающий в душу чарующий голос и способность к передаче гаммы душевных чувств огромного диапазона, от непосредственного юмора до волнующих трагизмом нот. И над всем этим царит великое женственное начало, обаяние пола, которое уже само по себе имеет успех в театре, даже при спорности таланта. Талант же Лилиан Гиш — бесспорен.

Как ни проникновенно постиг режиссер и тон и дух чеховской пьесы, все же для русского зрителя некая интернационализация пьесы дает себя почувствовать. Так Астров на американской сцене мало понятен. Астров большой человек, черноземная сила, талантище и умница, разменявшийся на малые дела, на провинциальную земскую практику, на пьянство, на болотное существование.

И потому он и мил нам, доктор Астров, что это алмаз, извлеченный Чеховым из русской провинциальной тины.

Ни внешне, ни исполнением артист Перкинс, игравший Астрова, нам его не напомнил. Рационализированный Астров, человек в рединготе, но не самородок, не Астров.

Не было на сцене и русского Дяди Вани, уже по при-

чинам слабого исполнения роли Ивана Войницкого артистом Вальтером Конноли. В сцене, предшествующей выстрелу в третьем акте актер, не выявил истинной причины назревшей трагедии. Это был просто неудачник, а не загубленная душа, в другой обстановке может быть даже душа гения. Трагедия Дяди Вани так и осталась невыясненной до конца.

Превосходный тип профессора Серебрякова дал артист Поверс, убедительный в своей ограниченности и самовлюбленности.

Американский театр постановкой «Дяди Вани» нашел ключ к душе Чехова и поднял его значимость на высоту общечеловеческую.

Разве не должны мы быть ему признательны за это?

Л. Камышников.